

С ВИКТОРОМ Сергеевичем Розовым беседовать всегда интересно. Это мудрый и остроумный человек, имеющий свое собственное суждение по всем вопросам, не зависящее от того, куда «дует ветер». На этот раз разговора на литературную тему не получилось: слишком уж тревожное и непростое время.

Извечные российские вопросы: как жить? Что делать? Кто виноват? — приобретают самый конкретный смысл, как нам всем выжить?! И мы, опять-таки по старой российской традиции, ждем ответов не столько ст

тельства, сколько от наших писателей, от интеллигенции. Может быть, так и надо. Ведь вопросы нравственности, совести должны быть в основе любой человеческой деятельности, политики и экономики в том числе.

Так что же с нами происходит? Об этом наш разговор с писателем. Его мысли могут показаться неожиданными, спорными, но за ними — огромный и нелегкий жизненный опыт, острый и наблюдательный ум и беспристрастное нравственное сердце... Начался разговор все-таки с литературы.

— СЕЙЧАС появилось очень много интересных произведений, особенно в публицистике. Публицистика делится для меня на два сорта: вдумчивая, написанная с болью за жизнь нашего народа, и злая, агрессивная, — так считает Виктор Сергеевич. — Мне в ней не нравится то, что все ругают, утверждают, что хуже, чем сейчас, мы никогда не жили. Это ложь, это мерзкая ложь! Я прожил жизнь, я старшее поколение и я все знаю и все помню! Было намного хуже! В гражданскую войну, когда мы, маленькие дети, ели липовую кору, липовые почки ели. Мы ходили на бойню, и нас там научили черпать кружкую кровь, которая лилась по желобу, и пить эту кровь. А! Это вам не гематоген! Но мы были добрыми!

— Печему? — Я не знаю! Это для меня такая загадка! Мы стояли в очередях во время войны, длинные очереди были, в квартал, и там не было никаких скандалов. Иногда пьяные инвалиды без рук, без ног поднимали шум, но мы понимали, что у них не только тело, но и душа изранена. Мы были добрее, выдержаннее. Есть такие условия, которые человек должен выдерживать! Ведь когда умирает кто-то близкий, это тоже страшно, но надо же выдерживать! Сейчас никто ничего не выдерживает. Да — беды, да — трудности, но выдержки у народа нет никакой. Ведут себя мерзко. Вот недавно мне соседка рассказывала, что в магазине пожилая женщина просила взять что-то без очереди — на нее набросились и избили. Такая злоба, такая взаимозлоба! Нет уважения ни к старшим, ни к детям...

— Как вы полагаете — почему это произошло? — Я думаю, что недостатки у нас есть, бесспорно, но они очень сильно преувеличены. Все время об ужасах говорят. И делается это целенаправленно. Люди любят сплетни. Я сам люблю сплетни, но я отношусь к ним и воспринимаю их с юмором, а некоторые с ненавистью и злобой. Безобразно ведет себя телевидение, я бы однажды разбил этот ящик, если бы телевизор можно было купить свободно, а не стоять пять лет в очереди. Газеты полны ковырянием в грязи. Все преувеличено, смакуются какие-то мерзости.

Ими всегда была полна жизнь, да и почти во всех странах этого полно. Но психологи говорят, что в прессе нельзя печатать более 25 процентов негативного, иначе у людей просто психика будет тронута.

Так вот, подходя к главной своей мысли, я считаю, что психику испортили телевидение, радио, газеты и журналы. Я выступал в клубе изда-

тельства «Правда» и сказал, что сейчас, когда все раздражены, ради Бога, если вы хотите остаться людьми, не читайте газет и журналов, не слушайте радио, не смотрите ТВ. Вы будете спокойнее. На нас обрушился шквал мерзости, бесстыдной мерзости. Я помню и раскулачивание, и голод 29—35-х годов, я об этом писал в книге воспоминаний.

Ленинградская правда - 1990 - 22 дек.

Виктор Розов

БЕССТРАШНЫЕ ГОДЫ — СТРАШНЫЕ ГОДЫ

Это был голод пострашнее гражданской войны. И когда мне говорят, что «раньше хотя бы все было», — хоть это и вульгарно, скажу, — видел я такое «раньше» в гробу! В белых тапочках! Я это «раньше» пережил, я все помню, и сравнивать то прошлое с тем, что происходит сейчас, — нечестно, бессовестно.

А люди все же были лучше. Я боюсь, что здесь сыграл свою роль один страшный разлагающий фактор — наш идеализм. Я не марксист, но я против всякого идеализма. Он требует от человека того, что он дать не может и что жизнь человеку не может дать. А так как обман этот не соответствует действительности, люди начинают раздражаться. И еще. К сожалению, так устроен человек, что людей должен сдерживать страх, не сознание, а страх.

Так вот, сейчас нет страха. Если раньше был хотя бы страх перед Богом — Бог накажет, в церквях рисовали ад, чтобы люди видели, что ждет грешников. Было четкое понятие греха. Люди знали, что можно, что нельзя. При Сталине был другой страх, потому что если ты даже не так посмотрел или кому-то показало, — тебя сослали, а то и тут же расстреляли. Страх был невероятный, все ходили, опустив вниз голову, глядя себе под ноги...

У нас такого нет. Тут много тычат, что он не пришел на работу три раза. А ему хоть бы что! Вот это распухлость. У нас такого нет. Тут много тычат, что он не пришел на работу три раза. А ему хоть бы что! Вот это распухлость.

Сейчас, во время бесстрашия, появилась массовая преступность. Показывали по ТВ каких-то ребят, которые обокрали десять квартир, кого-то пырнули ножом. Я смотрел и думал — лица-то довольно дегенеративные. Это ведь вырождение нации происходит. Так вот, показывали их — а им хоть бы что! Они знают — отсидают в колонии, подумаются! А для общества готов еще более уголовно опасный тип. Бесстрашное время — страшное время! Видите, парадокс изрек. Нет порядка. И не вижу никаких сдерживающих элементов, которые бы этому способствовали.

— Но разве не искусство должно этому способствовать? — Вы идеалист! Вот я вам приведу пример из своей работы в сфере искусства. Очень давно я написал пьесу «В добрый час», где сын академика идет по записке поступать в институт. Пьеса шла по всей стране. Имела успех. Все возмущались: как это с черного хода идти? Потом это развилось и перешло уже в плату: 2 тысячи, 3 тысячи, 5 тысяч и т. д. Я увидел в нашем обществе склонность к накопительству, к вещизму, заметил, что душа человека может уйти в вещи, потому что гораздо легче жить телом, нежели душой. Об этом была пьеса «В поисках радости». Сейчас в основном все живут телом, есть, конечно, духовные люди, но не так много... В наше время развилась другая тенденция: что хотят иметь сегодня хищники? Валюту! Сейчас все хотят иметь

валюту и поехать за рубеж... — И чем же все это кончится! Я все же думаю, что это пройдет, все идет от ненормального состояния общества. Время очень любопытное, я лично смотрю на него с большим интересом, единственно, чего я боюсь, — чтобы не было голода. Ведь что сейчас происходит: сращивание огромной бюрократической машины с мафией, происходит обогащение десятками миллионов.

Взятки стали больше, приобрели другие формы. Вы знаете, что можно купить все, если есть деньги? Телевизор, холодильник, автомобиль, решительно все! Во Львове жители стоят годами в очереди за телевизором, приезжает поляк и за 3 часа покупает 3 телевизора цветных и уезжает обратно. Меня всегда удивляло это, где он их купил? Значит, происходит сращивание нашей и зарубежной мафии. Идет страшное сопротивление тому, чтобы наше общество было цивилизованным.

Стать цивилизованным — это такая трудная задача! Все запущено, все развалено, и промышленность и сельское хозяйство, все так устроено, что даже самая сильная фантазия братьев Стругацких или Рея Бредбери не ослилит! Смотрите: плохой урожай — плохо, хороший урожай — еще хуже! Не убирать! Это уму непостижимо!

И изменить все это очень и очень трудно. Вот у меня есть такая теория. Сталин создал клетку, литую стальную клетку, задержанную занавесками: девочки дарят Сталину цветы, на лужайке все танцуют национальные танцы и т. д. Что сделал Хрущев — он сорвал

эту занавеску — и все увидели клетку и вздохнули от того, что хотя бы это узнали. Брежнев же не только не смог разрушить эту клетку, но он стал обратно задергивать занавеску. Горбачев же пытается сломать структуру этой клетки, и это оказалась невозможно трудная задача.

— Ну и все же, Виктор Сергеевич, где же людям найти точку опоры, как же выжить в наше непростое время? — Не теряйте оптимизма, не теряйте радости бытия, черпайте ее отовсюду: из природы, из хороших книг, из классики, из искусства. Недавно по телевизору показывали выступление Семеняки — ах, какая прелесть, ах, какая радость! Ну как же можно жить, погружаясь только в помойную яму?! И людям надо помогать выбираться из этой ямы, вот в этом главная

роль нашей интеллигенции. Интеллигенция — это ведь сила! Я в этом отношении человек какой-то вялый, всегда говорю, что я центрист. Но ведь не зря же говорят «золотая середина». Золотая! Поэтому мне одинаково, что левый гадючник, что правый гадючник. Зачем сеять злобу, зачем своему противнику наращивать мускулы, давать возможность ответить ударом на удар? Мы, писатели, раньше жили все вместе. Был Софронов, Бубеннов, был Первенцев, и существовали мы — Арбузов, Володин, я. Наши пьесы шли, и те шли, но мы никогда не кричали: зачем ставить Софронова? Мы были корректнее.

Как-то меня «Апрель» попросил выступить на благотворительном вечере. Я пришел. И слышу, как один из лидеров «Апреля» стал ругать Бондарева. Зритель ку-

пил билеты на литературный вечер! А тут склоки! Я дрожал от негодования и, когда выступал, сказал: «Что же вы делаете?! Вы поносите Бондарева, я тоже расхожусь с ним во многом, но он же писатель! Как же вы, писатели, вот здесь, на глазах зрителей, его поносите?». Что за агрессивность: «Мы им покажем!..». Это как у нас в Костроме раньше двор на двор мальчишки дрались, а тут писатели! Как же это можно?!

Недавно хоронили Софронова — ни один не пришел из так называемых интеллигентов. Я пошел. Мы с ним очень разные люди, но при встречах здоровались, и он ведь тоже был спутник моей жизни, понимаете. Мне один наш «либерал» пишущий сказал: «Как это вы пошли на похороны Софронова?!». Даже смерть не примиряет! А иные даже радуются — хорошо, что умер. Вот что страшно! Это люди, которые хотят делать нашу культуру! Так что я говорю — читайте классику!

— Виктор Сергеевич, расскажите о хороших людях, которые встречались вам в жизни. — Да, мне повезло, я встречал очень много хороших людей, людей, которые мне помогли, которые оказали на меня влияние. О них я написал в своей книге «Путешествие в разные стороны». Для вас скажу — совершенно потрясающее влияние оказала на меня М. И. Бабанова, моя учительница и руководитель нашего актерского курса в студии Театра Революции. Я называл ее «голубой звездой». Быть рядом с таким бриллиантом — это уже

счастье, от таких людей идет излучение. Она была непростым человеком, бывала вспыльчивой, резкой, но быть рядом с ней — это питаться какой-то аурой. И вообще выходить на сцену рядом с такими мастерами, как Пыжова, Штраух, Глизер, Бабанова, Орлов, Плотноков, Белокуров, — это не забывается. Ведь очень многое зависит от тебя, что ты возьмешь от людей.

Была такая писательница М. В. Алтаева и ее дочка Л. А. Ямщикова — актриса, они меня, мальчишку из Костромы, очень приветили. Приютили в 409-м номере гостиницы «Метрополь», который казался мне Версальским дворцом. Ведь с 1 сентября 1934 года до 3 марта 1935 года я жил на улице. Часто меня ютили люди: месяц я жил у нашего режиссера А. Д. Попова, жил у родных своего костромского приятеля, жил у другого своего приятеля. Еще раз могу повторить — мне везло, сколько добрых людей я встречал на своем пути, как часто меня согревало человеческое тепло, свет, задушевная беседа...

Уж не говорю про войну! Помню, в госпитале во Владимири, в который я попал, врач посмотрел и сказал: ампутировать ногу, я не возражал. Мне хотелось только одного — спать, потому что я 6 суток не спал. Когда я проснулся и посмотрел на свои ноги, вижу, одна нормальная, а другая огромная. А врач говорит: «Мы решили побороться за вашу ногу». Это среди тысяч раненых! Меня спрашивают, чего я хочу. Я говорю, так, полшутки (надо сказать, что чувство юмора меня никогда не покидало): «Пирожков с мясом и компота». В то время это была такая заоблачная мечта. Я заснул, просыпаюсь утром — стоит эта врач с банкой компота и пирожками на тарелке! Где она это достала?! А я ведь только рядовой, один из сотен тысяч! Такое отношение! Объясните мне, что это такое. Наверное, мне просто везет, везет на хороших, добрых людей.

И сейчас ко мне хорошо относятся. Вот я хлопотал квартиру моим знакомым. Молодая семья, у них был репрессирован отец, мать умерла, и их хотели выселить куда-то к черту на рога. Я пошел в Моссовет к заведующему отделом, все ему объяснил и говорю: «Мы виноваты перед их отцами, давайте хоть детям воздадим». И он помог. Я его вспоминаю с благодарностью. Мне много приходится хлопотать по разным делам, чтобы помочь людям.

Самому мне ничего не надо. Я не помню, чтобы я хлопотал за себя. Все, что я имею, заработал сам, что называется, своими руками: купил квартиру, машину, дачу. Купил на заработанные деньги. И всегда у меня на даче народу человек по 15 жил! Мне везло на хороших людей, не только на хороших, но на талантливых людей. Одна работа с А. В. Эфросом и О. Н. Ефремовым чего стоит! Я писал, что я счастливый человек, мне везет! Везет на хороших людей, а я давно пришел к убеждению, что добрые человеческие отношения — самая главная ценность в нашем мире.

Беседу вел Т. МИХАЙЛОВА